

Осторожно представляя свое израненное тело Цин-Цин, он отвел глаза и проклял себя за эту неуверенность. С большим количеством мяса и риса за последние несколько дней, его тело исцелялось еще быстрее, но его тело было все еще уродливым зрелищем. Гигантские полосы рубцовой ткани покрыли его конечности и туловище, лицо превратилось в месиво из искореженной плоти. Не подобало воину быть таким, воины красивы и величественны, вершина, образцы для подражания. Теперь он был похож на пережеванный труп, стоящий перед красавицей в шортах, он выглядел как ягненок в логове тигрицы, хрупкий и беспомощный.

Бейлдаг внимательно посмотрел на Цин-Цин, как она опустилась на колени перед ним, усердно работая над его ранами. Челка упала на глаза, она рассеянно отмахнулась от них, ее брови сосредоточенно нахмурились, губы поджались и сосредоточились на поставленной задаче. Забыв, как дышать, его тело содрогнулось от смеси страха и экстаза, когда ее пальцы скользнули по его коже, его лицо покраснело от жара, а губы раздвинулись в безмолвном вздохе. Ее ладонь обхватила внутреннюю поверхность его бедра и развернула ему ногу, его тело автоматически двигалось в том направлении, которое она придавала, позволяя более опытной девушке направлять каждое его действие.

Смешок снизу нарушил его концентрацию, и она посмотрела на него с дразнящей улыбкой.

- Не будь таким драматичным, Бейлдаг, и перестань ерзать. Как мне сделать правильные замеры, если ты двигаешься? Я не буду кусаться, - держа в руке бечевку, она насмешливо погрозила ему пальцем, - и ради матери, дыши спокойно. Честное слово, твое тщеславие поражает, я уже много раз видела твое тело, оно великолепно, счастлив теперь? Перестань пыхтеть, как голубь, и расслабься! - она ткнула его пальцем в живот, щелкнула языком и устала на него, жестом призывая поторопиться.

Она нисколько не стеснялась, игривая ухмылка Цин-Цин наполнила его желанием и смущением. Она была такой зрелой и рассудительной, что он боялся показать свою неопытность, но все равно невольно показал это. Раздвинув руки и ноги, он старался не хныкать и не стонать от ее прикосновений, стиснув зубы и вздрагивая, когда она приближалась к более чувствительным местам. Закрыв глаза, он сосредоточился на дыхании, пытаясь игнорировать ощущения, но ее блуждающие руки и горячее дыхание, касавшееся его кожи, были слишком возбуждающими для его защищающегося ума.

Сладкая попытка закончилась слишком быстро, и он не мог решить, разочароваться или успокоиться.

- Так. Все сделано, - хихикая, она ткнула его в нос с поджатыми губами, - хм, ведешь себя так застенчиво и невинно, как будто я какая-то пожилая женщина, пользующаяся тобой. Не обманывай меня, я слышала о тебе разные истории, - отойдя в сторону, она выстроила бечевку на рулоне ткани, рисуя углем неразборчивые знаки, - это качественный материал от жоака, я сделаю несколько нарядов для тебя, это не займет много времени. Ты не можешь украсть всю одежду Джена, Мама знает, что он находит достаточно оправданий, чтобы ходить без рубашки. Ты заберешь у него еще штаны, и он с радостью будет ходить в одной набедренной повязке, - она рассмеялась своей шутке, легкий и тихий смех, который ему показался милым.

- Не стоит слишком себя утруждать. Достаточно одного - двух нарядов, - кроме того, когда она была занята шитьем, она закрывалась у себя, и у него не было возможности поговорить с ней.

- О, это не проблема. Дело в том, что кроме приготовления пищи, мне в последнее время мало чем заняться. Я не привыкла к праздности, как говорится. Розовый кончик ее языка высунулся из вишневых губ, когда она работала, ее огромная туника низко свисала, когда она наклонялась к работе, давая ему возможность увидеть мельчайший проблеск бледной кожи, скрытой под ней. Линии загара были настолько дразнящими, что он жадно смотрел, не желая отрывать глаз, как настоящий мужчина, - я не мастер шить одежду для мужчин, но думаю, что смогу сделать что-нибудь подходящее для тебя. По крайней мере, тебе будет удобно, если даже одежда не будет модной. Ты иди и занимайся, чем хочешь, а я буду здесь.

Вежливо прогнав его, пока она работала, он вернулся в постель, чтобы "медитировать", используя время, чтобы проверить брата. Ничего не изменилось за последние несколько дней, астральная форма брата все еще подвешена и повреждена, призраки все еще кружат, голодные, как всегда. Устроившись в дверях, он весело поприветствовал брата.

- Здравствуй, брат, я вернулся. Уже шестой месяц, а я не сплю уже тринадцать дней, а это значит, что мы пропали чуть больше месяца назад. Дела идут хорошо...

Это стало ежедневным ритуалом - давать брату отчет, ища у него какие-либо признаки сознания или рассудка. Разговоры помогали ему не беспокоиться о том, что делать дальше, он не привык принимать решения. Он отчаянно хотел, чтобы брат проснулся не только для того, чтобы раздавать столь необходимые советы и направлять их действия, но и для того, чтобы брат мог провести время с Цин-Цин и помочь завоевать ее. Более того, обаяние брата было бы необходимо, чтобы убедить других жен принять ее. Люди искали его, и если его найдут, у него не было ни малейшего представления о том, как он поднимет вопрос о вступлении Цин-Цин в их супружескую постель.

Лин не будет проблемой, очаровательному зайчонку нравилось быть избалованной, а Цин-Цин нравилось улаживать, девушка с заботливым отношением и сильным желанием работать. Мила была проблемой, взрывоопасная, у нее была притягательная красота, заставляла брата говорить "не ревнуй" хотя бы раз в день. Пока она была сильнейшей в отношениях, ее мнение имело значение, и она была более чем способна отпугнуть хрупкую Цин-Цин своими угрозами. Как он преподнесет это все будет иметь решающее значение; назови он Цин-Цин своим спасителем, и она заплатит деревенской девушке за то, чтобы она ушла, признается, что любит ее, тогда Мила будет копать ей яму, рвать ей волосы и пускать в ход когти. Они не могли сравниться с ней в бою, и это сложное дело лучше оставить брату. Мила была как глина в его руках, превращаясь в милую, послушную леди с помощью одного поцелуя.

Закончив доклад, он попрощался с братом, прежде чем открыть глаза. Накинув на голову плетеную из тростника шляпу, с любовью сделанную Цин-Цин, он вышел за дверь и потянулся, с улыбкой приветствуя полуденное солнце. С прозрачной вуалью, пришитой по краю, шляпа была гораздо комфортнее и удобнее, чем повязка на глаза, но он рисковал потерять ее в драке и выдать свою личность. Он не мог рисковать быть разоблаченным, не сейчас, когда брат вышел из строя.

Схватив копьё, он проделал несколько легких упражнений, готовясь к путешествию, если случится что-то плохое. Как всегда, он действительно не знал, что делает, но его тело знало, двигался с копьем, гибкий словно вода, его ум освобождался, и он мог размышлять о своих проблемах. Что делать? Как он сюда попал? Он должен остаться или уйти? Деревня была унылой и скучной, окруженная бандитами, которые вполне могли его искать. Город Саньшу тоже не был безопасным, брат уже пострадал от покушения в его стенах, это он знал. Безопасность была только там, где были его люди, они ездили в какую-то рыбацкую деревню на восточном побережье озера, чтобы сражаться с бандитами, это было все что он знал.

По крайней мере, он быстро исцелялся и становился сильнее с каждым днем. Сокрушение деревянного копья одним ударом посоха стало для него самого сюрпризом, настолько, что он даже не смог сдержаться, и ударил Джену в горло. Если бы он знал заранее, что молодой человек был Джен, он бы разбил ему лицо за то, что осмелился сделать жизнь Цин-Цин такой трудной, но шанс был упущен. Независимо от того, возникнет еще шанс, кроме этого единственного случая, у него не было проблем со взрывной силой, он снова не мог повторить это на практике.

Возможно, сейчас самое время приложить усилия, чтобы по-настоящему изучить свои навыки. Положив конец своей бессмысленной тренировке, он пересмотрел свои действия и повторил движения своим телом. Он вспоминал как все было, пытаясь пережить все заново. Он тогда устал от короткой прогулки, тяжело оперся на посох, дыша медленно и глубоко, стараясь быть сильным. Джен шагнул вперед, его копьё вонзилось медленно и спокойно, без какого-либо намерения или жажды крови. Едва подумав об оружии, он намеренно вступил в атаку, ища повод причинить кому-то боль в качестве предупреждения, но он не принял во внимание состояние своего тела. Двигаясь медленнее, чем предполагалось, он допустил ошибку, и копьё теперь было на опасной траектории, пронзая его грудь. Минутное колебание заставило его споткнуться...

Хм... Это кажется неправильным.

В замешательстве он повторял эту встречу снова и снова, пытаясь найти изъян в своей памяти, но, как бы он на это ни смотрел, он пришел к одному и тому же выводу: копьё должно было ударить его. Он пытался избежать травмы, отталкиваясь от посоха, когда копьё ударило.. Металлический наконечник должен был вонзиться в его кожу и пронзить его плоть, логическое завершение их ссоры.

Вместо этого копьё полетело в сторону, прежде чем коснуться его кожи, отведенное какой-то невидимой силой. В своем сознании он видел, как копьё повернуло кончик и искривилось, какая-то сила заставило наконечник отлететь вдаль. Снаружи казалось, что он отбил копьё посохом, и до сих пор он думал то же самое, что без усилий разбил оружие. Его разум играл с ним шутки? Он никак не мог напасть, даже с его сильными навыками, посох был прочно посажен в землю. Даже если бы ему удалось защититься, это не должно было разрушить оружие, эти копья были достаточно прочными, чтобы пробить шкуру кабана.

Это казалось приемом Ци, но это входило в сферу компетенции брата. Бейлдаг не знал, как медитировать или контролировать Ци, он не спал, когда брат исследовал различные приемы Ци, с помощью историй и исторических записей. Сила и ловкость были наиболее распространенными, проявлениями Ци, в то время как внешние приемы гораздо использовались гораздо реже. Брат не мог использовать Ци внешне, а Бейлдаг не мог контролировать даже свою внутреннюю энергию. Так как же это копьё так сломалось? Это были не предки, они больше не разговаривали...

Повторяя свои движения снова и снова, он искал ответ на эту тайну, жаждал власти, которую она влекла за собой. Возможно, он был гением, вундеркиндом, и если бы он мог овладеть этой техникой, то "Бейлдаг" мог бы вскоре стать таким же знаменитым, как "Падающий Рейн".

Довольная своей работой, Цин-Цин отнесла недавно сшитую тунику Бейлдагу, желая, чтобы он примерил ее. Заметив, что он глубоко сосредоточен, практикуя свои боевые навыки, она

придержала язык и наблюдала, загнипнотизированная его изящными движениями. С копьём в руке он сделал небольшое, почти незначительное движение, согнув колено и слегка наклонившись вправо, затем вернулся в вертикальное положение и повторил последовательность. Это казалось таким простым, но все же привлекало ее внимание, она была неспособна отвести взгляд. У этих движений не было ни начала, ни конца, они были плавные, гипнотический цикл все повторялся, как будто его поймали в петлю, и он был не в силах вырваться на свободу.

Воины были поразительны по сравнению с нормальными людьми. Никто из деревни не мог повторить его движения, плавные и элегантные движения, которые казались таким же естественным, как дыхание. Как будто его тело и копьё были деревом, раскачивающимся на ветру, или травинкой, плывущей по реке. Увидев его в работе, она почувствовала как пропасть между ними становится все меньше, хоть они и были разные как день и ночь.

Они делились смехом и нежными моментами, пока были вместе. Еще до того, как он проснулся, она волновалась за него. Сначала она думала, что ей надоедает ухаживать за этим полумертвым молодым человеком, но она упорствовала. Представляя его чьим-то братом, чьим-то сыном, нежная забота, которую она оказывала, расцветала в более интимные чувства, как семья. Она создала для него множество причудливых предысторий, но никогда не думала, что правда будет еще более поразительно. Хотя поначалу она его боялась, но его прямолинейность и застенчивое поведение завоевали ее, милый молодой человек, как и любой другой.

Но это было неправдой. Любой другой человек умер бы сто раз от полученных травм. Он не был Бейлдагом, обычным бандитом, это была лишь маска для прапорщика Рейна, Бессмертного дикаря. Она слышала истории о Вестнике Штормов, женщине-воине-полузвере, стоявшей на вершине. Рейн была лишь одним из ее учеников, она воспитала таких воинов, как Кровавый Железный Клык Баатар и Хищный Волк Хуушаль, и ее новая ученица- Неудержимая Буря Тонг Да Фунг. На кого она была похожа? Сражаясь, руководя и обучая, она была экспертом, настоящим образцом, ее нготь стоил больше, чем жизнь Цин-Цин. Несмотря на чувства Рейна, как такой воин, как она могла позволить своему лучшему ученику жениться на простой деревенской девушке?

Рейн был таким ярким человеком, что она была всего лишь жабой, жаждущей лебединого мяса. Сжимая льняную тунику, она заметила потертые края и плохо обработанную грубую ткань и поняла, что она даже не была квалифицирована, чтобы быть его горничной. Она сказала себе, что это всего лишь глупая мимолетная фантазия, ничего больше, глядя, как он стоит на солнце, здоровый и готовый уехать, исчезнуть из ее жизни. Это были два человека, которым суждено было разойтись, пустота внутри нее, она присела в тени своей хижины, оплакивая неизбежный конец их счастливых дней в деревне.

Как ни странно, он был ее единственным другом, и мысль о том, что она его потеряет, заставляла ее испытывать необъяснимый страх и отчаяние. У него было две стороны: милый щенок наедине и разъяренный дракон на людях, и вместе они значили для нее больше, чем она думала. Потерявшись в своем маленьком мире, она наблюдала, как он тренируется, запоминая каждый момент, проведенный вместе, пока все неизбежно не закончилось.

Такова была жизнь, два человека предназначались для разных вещей, судьба сводила их пути только для того, чтобы пересечься на краткое время, а дальше каждый пойдет своим путем.

Пот капал с его обнаженной груди, Джен нес шестидесятикилограммового оленя сам, существо было перекинуто через его плечи, он неуклонно двигался по деревне. Кивая женщинам, он улыбался, когда они подлизывались к нему, все глаза были устремлены на него и на огромный приз, который он нес. Кто еще в деревне мог совершить такой подвиг, не только убить зверя, но и нести его без посторонней помощи? Никто из их мужей или братьев не мог с этим справиться.

Стыдно было идти к бесполезному Бейлдагу, бандиту и его шлюхе Цин-Цин. Он попытался подавить гнев, но он хлынул наружу, его ярость росла, когда он кипела от несправедливости, голос в его голове говорил ему убить ее. Она должна была принадлежать ему, чистой и незапятнанной, девушка, на которую он положил глаз годами ранее. Он был терпеливым и добрым, приносил ей подарки и делал комплименты, но отвратительная, манипулирующая сука соблазняла его полуприкрытыми глазами и трепещущими ресницами, стараясь изо всех сил. Почему папа настаивал на том, чтобы кормить эту супружескую пару пиявок, было загадкой, пустой тратой сил и ресурсов. Это был всего лишь один раненый, неважно насколько сильный, если они нападут, пока он спит, он умрет, как и любой другой. Как легко было бы перерезать горло Баледагу и искупаться в его крови, прежде чем он доберется до Цин-Цин и возрадуется ее страдальческим криком.

Покачав головой, он прогнал эту мысль. Он был так зол в последнее время, месяц назад, он никогда бы не принял ничего подобного. Он был хорошим человеком, а не развратным бандитом. Кроме того, рисковать не стоило, Бейлдаг пробыл здесь достаточно долго, чтобы соседние деревни узнали о его существовании, и кто знает, какие у него друзья. Папа всегда говорил, что секрет - это не секрет, если им поделиться, слухи разойдутся, это неизбежно. Папа поступил правильно, позволил бандиту исцелиться и увезти шлюху отсюда. В конце концов она пожалеет о своем решении.

Добравшись до обшарпанной лачуги, он с глухим стуком бросил труп в грязь. Цин-Цин сидела в дверях, держа рубашку, и смотрела на Бейлдага во время его тренировки, какое-то бессмысленное движение, вероятно, все его раненое тело могло сделать только это. Несмотря на то, что шляпа и вуаль закрывали его лицо, Джен видел ужасные шрамы, из-за которых у него в животе все скручивалось. Выражение лица Цин-Цин наполнило его сожалением, проклиная себя за то, что не затащил ее в лес и не изнасиловал. Он хотел быть нежным и любящим, но теперь он увидел, что глупая сука влюбляется в своего насильника, ее тело очаровано ее похотью, несмотря на его ужасную внешность. Он должен сломать ей челюсть и показать, что такое здоровый мужчина, а не пережеванный труп бандита.

Никто из них не обратил на него внимания, и он прочистил горло. Он принес еду, меньшее, что он заслужил, это благодарность. Цин-Цин раздраженно обернулась и нахмурилась, словно просто заметив его присутствие, играя в свои игры. Упрекнув его резким шепотом, она жестом попросила его уйти.

- Тихо, он тренируется. Спасибо за еду, но завтра нам понадобится больше риса. Идите, не мешай ему.

То, что она его послала разозлило его, и в белой вспышке гнева он шагнул вперед и схватил ее за рубашку.

- Знай свое место, шлюха! Я сын вождя, а не твой маленький мальчик, чтобы ты меня посылала, - тряся ее, он продолжал кричать, не в силах контролировать себя, - когда он тебя

бросит, я тебя вздерну и побью, как собаку. Я только надеюсь быть там, когда он бросит тебя и увидит, как отчаяние поглотит тебя. Отказавшись от своих принципов ради какого-то бандита, когда я обращался с тобой так хорошо, лучшее, что ты, блядь, заслуживаешь ...

Мощная хватка вцепилась ему в шею, а вторая - в запястье, вывернув наизнанку его руку, находящуюся на Цин-Цин. Брошенный на землю, он проворно вскочил на ноги, и получил кулак в челюсть, он почувствовал тяжелый вкус соли и железа во рту, гибкое тело Бейлдага стояло перед ним. Мир рухнул вокруг него, когда второй удар пришелся ему по голове, мир замолчал от удара, только приглушенный звон в ушах. Это был лишь первый из нескольких медленных, методичных ударов, направленных по всему его телу. После каждого удара наступала долгая пауза, и он думал, что избиение кончилось, он съежился на Земле, каждый раз его поднимали и били снова, и снова, его мир был агонией, пока он милосердно не отключился.

Проснувшись, он взвизгнул, отшатнувшись при приближающейся атаке. Теплая, мягкая рука погладила его лицо, и голос Ма успокоил его.

- Тише, мой мальчик, теперь ты в безопасности. Обнимая его, она гладила его волосы и шептала добрые слова, когда он плакал, дрожа, как избитый ребенок.

Грубая рука мягко хлопала его по плечу, и Джен поднял глаза, чтобы увидеть папу. Раскаявшись и исполненный надежды, Джен попытался извиниться и попросить Па помочь ему, но язык его был в три раза больше, рот распух и болел.

- Тише, мальчик, ты спишь сейчас, травмы рта сделают это. Па мягко пожурил его, - мой идиот, сын, стоит ли девушка всей этой боли и страданий? Я пытался сказать тебе, я пытался, оставить ее в покое. Мы всего лишь овцы, и мир, полный волков в овечьей шкуре, спрятан вокруг нас. Такова наша судьба в жизни, слабость - наше бремя. Отныне ты избегаешь Бейлдага, слышишь? Если увидишь его, поклонись и поблагодари, то же самое и с девушкой. Она единственная причина, по которой ты все еще жив, ее милосердие и милосердие Матери."

Впервые, Джен увидел Па, с поникшими плечами, а взгляд был отведен в сторону, он не мог поверить в это. Это был человек, который гордо стоял перед лицом чудовищных зверей, высоко держал голову, когда имел дело с бандитами, вел переговоры с луком и копьем в руках, когда подонки пытались использовать их и перешагнуть через них. Гордый, надежный человек исчез, его заменила какая-то мышь, хрупкая и слабая. Папа не мог даже смотреть ему в глаза, стыд сжигал его, трус, слишком боящийся искать справедливости для своей собственной плоти и крови. Па хотел, чтобы он поблагодарил Бейлдага? Матери нет, появляется полуживой бандит кретин и Па так быстро прогибается под него, угождая каждому его нужде, и для чего?

Проглотив горькое предательство, он снова свернулся калачиком в постели и игнорировал их, пока они не оставили его одного, его гнев и ненависть чуть не задушили его. Воображая всевозможные пытки и возмездие, обрушившиеся на эту пару, суку и ублюдка, он проклинал свое никчемное существование. Слабый, слишком слабый. Если бы только у него была сила, настоящая сила. Вся деревня, наверное, тоже смеялась над ним, они бы тоже заплатили, никчемная компания. Он всегда презирал бандитов, но теперь понял. Сильные процветают, слабые выживают, и он просто выжил. Он отдаст все ради силы, переступит через кого угодно, сделает что угодно. Закрыв глаза, он погрузился в глубокий сон, счастливо кивая головой, а шепот убаюкивал его, обещая силу и месть. Прекрасная мечта.

Да, я хочу этого. Сила. Отдай его мне.

Да, любая цена будет стоить того.

Что угодно.

Готов на все.

<http://tl.rulate.ru/book/591/451151>